

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА

.....

А. Н. Кимберг¹

Рост интереса к психологии безопасности привлекает внимание к ее предмету. Безопасность традиционно понимается как отсутствие недопустимого риска, риск же основан на модели ущерба. Можно рассматривать ущерб как снижение ресурсности личности в любой области, представляющей для неё значимость. Примерами нематериальных версий ущерба выступают нарушения или повреждения, наносимые системе социально-экономических связей и отношений человека, экзистенциальным ценностям индивида, личному психологическому пространству, правовым нормам взаимодействия людей. Проблему психологической безопасности личности целесообразно рассматривать в связи с конструктом субъективного благополучия личности и переживания ею своего будущего.

Ключевые слова: психология безопасности, психологическая безопасность, ресурсы, риск, субъектность, субъективное благополучие личности, ущерб.

The growth of interest in the security psychology draws attention to its subject. The security has been understood traditionally as the absence of unacceptable risk, the risk is based on the model of damage. We could consider the harm is reduction of person resource in any area concerning significance to personality. Examples of «intangible» versions of harm acted a violations or damages have been done to the socio-economic relations and human relations, existential values of the individual, personal psychological space, the legal norms of human interaction. The psychological security problem of human is worthwhile to consider in connection with the construct of subjective well-being of the individual and the experience of her future.

Key words: psychology of security, psychological security, resources, risk, subjectivity, subjective well-being of individual damage.

В постепенно занимающей первое место среди системных вызовов человечеству проблеме безопасности психологи, несомненно, найдут свое место. Специалистов общего профиля по безопасности пока что мало, а методологи-

¹ Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: akimberg@gmail.com

ческая подготовка психолога позволяет ему претендовать на широкое участие в проблемном поле.

Речь далее пойдет о психологии безопасности — возможной отрасли психологического знания, которая, с одной стороны, для профессионального сообщества нова и только начинает складываться, а с другой — уже имеет давнюю традицию, в частности, в рамках психологии труда. Специалисты, занимающиеся психологическими аспектами безопасности труда, имеют своим предметом «психические процессы, состояния, свойства личности, психологические характеристики трудовых коллективов и организаций, позволяющие избегать, предупреждать, преодолевать опасные ситуации (например, аварийную ситуацию) или, напротив, провоцировать их через ошибки в труде» [7, с. 12].

Мы предлагаем расширить предмет интереса исследователей, добавив к традиционным социотехническим системам и культурные системы (такие, например, как правовые нормы и управленческие процедуры), а также экологию (в широком ее прочтении) как организацию среды обитания человека — физической, социальной и символической. Суть дела такова: в каждой области активности человека есть риски, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами, характер влияния и состав этих факторов может быть изучен, а риски минимизированы.

Субъективный фактор традиционно прочитывается как «фактор, связанный с человеком», причем с негативной коннотацией источника ошибок и погрешностей. Это понимание ограничивает возможности теоретической работы в проблемной области, в связи с чем представляется предпочтительным далее использовать термин «субъектный фактор», как указание на факторы, связанные с субъектом рассматриваемой активности.

В различных областях социальной активности характер субъектного фактора может быть особым. В наиболее обобщенном виде он описывается через некоторые специфические для области особенности решения когнитивных задач либо характерные для нее мотивационные комплексы и конфликты мотивов, причем они вполне определенно привязаны к предметным и процессуальным аспектам деятельности в этой области.

Однако к специфике областей вернемся позже. Пока зафиксируем то, что психология безопасности специфична по областям человеческой активности, и вряд ли имеет смысл подходить с одной моделью к психологии безопасности дорожного движения и психологии безопасности курортного отдыха: для них гораздо важнее специфичные для каждой области связи особенностей работы психологических регулятивных образований индивида. Но при этом методология построения частных теории должна быть одна, и некоторые ее аспекты мы попытаемся обсудить далее.

Несколько базовых теоретических моделей, на наш взгляд, составляют основу для работы в этом проблемном поле.

Во-первых, психология безопасности не может быть построена вне привязки к общей теории безопасности. Это предполагает, что мы должны выполнить анализ ее центральных понятий — концептов риска и ущерба.

Во-вторых, проблема безопасности и ее психологических аспектов производна от общей проблемы активности субъекта и, следовательно, опирается на теорию субъекта, действующего в мире, в частности, на представления о том, что есть то, что не должно исчезнуть в потоке бытия.

В-третьих, нам необходима теория субъективного, предлагающая некое решение проблемы связи и взаимодействия психологических и непсихологических факторов жизни человека, в том числе и та ее ветвь, что концептуализируется как теория субъективного благополучия личности.

Рассмотрим, какие проблемы требуют решения в каждом из этих теоретических полей с тем, чтобы возникло новое пространство для моделирования конструкторов психологии безопасности.

В нормативных документах безопасность конвенционально понимается как отсутствие недопустимого риска. Риск же определяется через сочетание двух факторов: тяжести ущерба и вероятности его нанесения [1]. Психологические, системные и социальные аспекты риска рассматриваются исследователями (публикации по этой тематике доступны читателю, см., например, тексты Э. Гидденса [4] или Т. В. Корниловой [9]), но концептуальную модель риска еще нельзя считать принятой на том уровне общественного сознания, который А. Шюц называл несомненным или «наличным» знанием (knowledge at hand) [14]. Дальнейшая концептуализация феномена риска и его обсуждение представляются в этой связи полезными и даже необходимыми.

По сути, определение риска держится на конструкте ущерба. Однако принятое определение ущерба — «нанесение физического повреждения или другого вреда здоровью людей, или вреда имуществу или окружающей среде» [1] — не выдерживает критики психолога. Судя по приведенному определению, ущерб кажется авторам настолько очевидной посылкой, что она ускользает от теоретического рассмотрения. Но, как писал Пьер Бурдьё, в трудные времена следует быть готовым ставить под вопрос очевидные вещи².

При анализе приведенных определений мы видим следующее: а) вред и ущерб работают практически как синонимы; б) они применяются к уже про-

² Интервью Пьера Бурдьё с А. Хоннет, Х. Косиба и Б. Швибсом, данное в Париже в апреле 1985 г.:

«— Вы часто цитируете Витгенштейна. Почему?»

— Несомненно, Витгенштейн — это философ, который был мне наиболее полезен в трудные минуты. Это просто спаситель во времена интеллектуального бедствия, когда нужно поставить вопрос о таких достаточно очевидных вещах, как «подчинение правилу». Или когда нужно сказать вещи достаточно простые (и в то же время почти непроговоренные), как, например, «практиковать практику» [2].

изошедшему и состоявшемуся событию; в) их применение относится главным образом к физическому миру (здоровье, имущество, среда). Недостаточность этих определений в том, что они *игнорируют* время, а именно *будущее*, не *оценивают должное*, т. е. то объективное и субъективное состояние, статус и т. п. субъекта, нарушение которого рассматривается как ущерб, и *не дифференцируют субъектов*, переживающих/терпящих ущерб.

Можно сказать, что понятие вреда определено текущим соглашением общества о том, что будет считаться таковым. Вред, таким образом, *субъектен* (т. е. отнесен к субъекту)³, *субъективен* (определяется представлениями субъекта о его целях и его будущем) и при этом также *культурно-исторически определен*. Следовательно, как социальный конструкт он может и должен периодически подвергаться переопределению.

Рассмотрим ряд проблем этой модели, требующих решения. Первая из них — проблема субъекта ущерба. Ущерб всегда наносится кому-то, а этот кто-то относится к социальной группе, интересы которой признаются в данный момент легитимными и значимыми для общества или же ничтожными. Итак, психологию безопасности кого мы собираемся разрабатывать? Волков, зайцев или Красной Шапочки?

Уровень допустимого риска также может различаться применительно к разным социальным группам. Интрига заключается здесь в том, что нормируют (определяют допустимый для населения уровень) риск эксперты, которые (как и функционеры власти) живут на ином уровне безопасности. Публичное же обсуждение заинтересованными лицами допустимых и недопустимых рисков пока не принято так широко, как это было бы необходимо. Ущерб, таким образом, выступает как социальный конструкт, определенно привязанный к дискурсу доминирующей в обществе группы и требующий постоянной общественной дискуссии.

Следующая проблема касается *определения содержания* ущерба. Нас не удовлетворяет в действующем нормативом определении ущерба/вреда то, что оно игнорирует многие важнейшие социальные, психологические и социально-психологические аспекты жизни человека и фактически совершенно не затрагивает *психологической безопасности личности*.

³ Традиционное гносеологическое противопоставление «субъект–объект» в реляционном подходе сменяется пониманием единства и взаимообусловленности пары, связанной отношением. Ущерб как феномен зависит от субъекта (его принятия произошедшего в качестве ущерба) в той же мере, что и от производших действие внешних для него («объективных») сил. Даже такое предельное событие, как смерть, является ущербом только по произвольной оценке самого субъекта. С теоретической непроработанностью этой проблемы связана, например, дискуссия о праве на эвтаназию.

Поэтому для нас человек в ситуации возможного или актуального ущерба выступает как *субъект отношения ущерба* так же, как истец (потерпевший ущерб) в правовом процессе является его стороной (субъектом), но не объектом.

Мы полагаем разумным распространить понятие ущерба на все аспекты жизни человека, представляющие для него ценность, а не ограничивать их простейшими представлениями о физической трудоспособности и материальном и финансовом имуществе. Ухудшение репутации, ограничение возможностей для развития и т. п., т. е. в широком смысле *снижение ресурсности личности*, понимаемое в терминах различных видов капитала: социального капитала (родственные и дружеские связи, членство в группах, клубах и ассоциациях [18; 19; 20; 26]), человеческого капитала (социально вознаграждаемые способности или компетенции [16]), культурного капитала (социальный статус семьи, освоенные речевые паттерны, тезаурус в области текстов культуры [17]), капитала идентичности (такие интрапсихические характеристики, как самооценка, жизненная цель, сила Эго, интернальный локус контроля и некоторые уникальные навыки или таланты, которыми обладает индивид [21; 22]), информационного капитала (позиция в системе информационных потоков общества или группы и специальные навыки и умения по созданию информационных моделей), представляют собой ничуть не менее реальные виды ущерба.

Обсудим подробнее феномен психологической безопасности личности. Прежде всего, речь пойдет о том, что ущерб, на котором строится вся модель безопасности, здесь имеет психологический характер. Он не так отчетливо материален, как в теории страхования рисков: летальный исход или третья группа нетрудоспособности, или легкие телесные повреждения, или повреждения автомобиля, требующие ремонтно-восстановительных работ на сумму 40 тыс. р. Ущерб здесь относится в первую очередь к субъективному миру человека, однако он имеет право на существование, может быть, даже и больше, чем остальные виды ущерба. Отметим, что мы здесь переходим в сферу весьма тонких материй: это ущерб, наносимый субъективному благополучию личности (в англоязычных текстах — *subjective well-being*, или SWB). Субъективное благополучие личности определяется авторами различно, но основные составляющие более или менее едины: отсутствие негативных переживаний на фоне в целом позитивно окрашенного эмоционального переживания континуума «настоящее — будущее» [13; 23; 24]. Какие факторы способны нарушить субъективное благополучие личности?

Мы не стали бы сводить проблему ущерба субъективному благополучию к нарушению целостности личности и ощущению ею аутентичности бытия. Это было бы очень частным и поэтому слабым решением. Подобные невротические состояния личности могут сигнализировать о проблеме, но не указывают на точки и механизмы нарушения безопасности личности. Между тем именно последние представляют для нас основной практический интерес. Итак, обратимся к возможным проблемным зонам.

Это прежде всего нарушения выстроенного личностью «жизненного мира», относительно поработанные в теории приватности (*privacy*) или психологического пространства личности (С. К. Нартова-Бочавер [10], А. А. Бурмистрова-

Савинкова [3]), но также возникающие и при нарушениях культурной или информационно-экологической (визуальной, звуковой и др.) среды человека.

Это нарушения (или угроза нарушения) социально-экономических связей и отношений человека. Широкий спектр феноменов, связанных с переживанием человеком угроз своему социально-экономическому статусу и поиском им адаптивных механизмов, представлен, в частности, в исследованиях А. Н. Дёмина [5; 6]. Он предлагает для обсуждения оригинальную теоретическую модель, эвристичную в перспективе субъектного подхода к психологической безопасности личности. Речь идет о границе преобразовательной активности субъекта. Граница — это предел, за которым происходят качественные изменения в системе. Предлагается выделить две соотносимые друг с другом границы: *предел терпения*, «до которого человек может и готов терпеть давление, изменения и даже разрушения себя и своего окружения», и *предел полагания* себя в будущее и мир, т.е. предел возможного в текущей ситуации для преобразовательной активности субъекта [6, с. 114].

Обе эти характеристики, на наш взгляд, могут быть успешно использованы и в операционализации концепта субъектности как таковой, ибо что есть субъектность, как не мера преобразующей активности человека. Субъектность как особое отношение человека к миру может быть понята как способ участия или включенности индивида в тот или иной процесс человеческого бытия [8]. Введение представления о границах/пределах возможного участия человека в том или ином социальном или жизненном процессе и *угрозах* этому *участию* существенно прояснит и теоретические модели, работающие в проблемном поле психологической безопасности личности.

Это также ущерб, наносимый культурным и личностным ценностям человека, возникающий в ситуациях намеренной их дискредитации. Несмотря на слабую проработанность концепции морального ущерба в правоведении, сам принцип наличия морального ущерба признается всеми. Стало быть, мы имеем прецедент для обоснования правомерности психологического ущерба, который должен быть концептуализирован более подробно. То, что эта концептуализация уже запаздывает, демонстрирует происходившая в 2005-2006 гг. история с опубликованными в датской газете Jyllands-Posten карикатурами на пророка Мухаммеда. Волна протестов мусульман — вплоть до штурмов посольств Дании и Норвегии в Джакарте, Дамаске и Бейруте и угроз терактов по всему миру — ставит вопрос о том, что же фактически произошло. Какая именно часть субъективного мира огромного числа людей была подвергнута угрозе и как это могло быть сделано? Как символическое действие, выполненное на огромном физическом удалении от субъектов, может так нарушить их нормальную жизнь? Что операционально означает «оскорбление чувств», «удар по духовным ценностям», «разжигание межконфессиональной розни» и т. д.? Если рассматривать только психологическую фактологию, то все эти события выглядят так:

а) некто высказывает сомнение в истинности предельных ценностей субъекта или даже объявляет их ничтожными или унижительными;

б) субъект находит себя стоящим перед вызовом превращения своих базовых ценностей в сомнительные и ненадежные жизненные ориентиры и тем самым потенциальной утраты смысла существования своей общности;

в) субъективный мир субъекта (это не тавтология!) оказывается под угрозой травмирующего воздействия экзистенциального уровня.

Возникшая угроза по уровню опасности сопоставима с угрозой жизни в биологическом ряду значимостей. Хорошую формулу этой ситуации мы находим у Уистана Одена в «Щите Ахилла»: «...они потеряли свою гордость и умерли прежде, чем умерли их тела» [15].

Это ущерб, наносимый нормам и правилам взаимодействия, правам и свободам человека, установленным цивилизованным обществом. Наблюдаемое субъектом нарушение прав человека, даже не затрагивающее его непосредственно, неизбежно наносит ущерб его субъективному благополучию, маркируя самого наблюдателя как потенциальный объект коррупции, произвола власти, домогательств, преступлений против личности и т.п. Закономерное превращение наблюдателя в жертву убедительно отображено в известном тексте пастора Мартина Нимёллера, видного церковного деятеля Германии, бывшего узника Дахау: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я ведь не был коммунистом. Когда они сажали социал-демократов, я молчал, я ведь не был социал-демократом. Когда они пришли за членами профсоюза, я не протестовал, я ведь не был членом профсоюза. Когда они пришли за евреями, я молчал, я ведь не был евреем. Когда пришли за мной, не осталось никого, кто мог бы протестовать» [25].

Итак, мы уже выяснили, что традиционное применение конструктов риска и ущерба должно быть проблематизировано. Риск обычно определяется через а) *вероятность* нанесения конкретному субъекту ущерба и б) *ожидаемую его тяжесть*. Но не может ли и сам риск быть фактором причинения определенного вида ущерба? Иными словами, наносит ли человеку ущерб переживание вероятности ущерба? Несомненно, наносит. Терроризм принципиально основан на создании атмосферы страха и неустрашимой угрозы, висящей над каждым членом общества. Террористы предлагают обществу к обмену единственный товар, который они способны предложить, — временное избавление от угрозы лично значимого ущерба.

Мы утверждаем, таким образом, что увеличение вероятности ущерба выше некоего нормативного уровня должно рассматриваться как нарушение безопасности человека. В практике правоприменения она частично уже и рассматривается таким образом, но сам названный выше принцип еще не зафиксирован с должной отчетливостью в общественном сознании.

Пьяный водитель наказывается, хотя он еще никого не убил. Производитель продуктов питания штрафуются за нарушение санитарных норм, хотя он еще никого не отравил. За нарушение правил пожарной безопасности тоже можно наказать владельца здания еще до пожара. Но остальные субъекты, нарушающие мою безопасность (увеличивающие мои риски в будущем), пока оказываются вне должной оценки их действий, как моральной, так и правовой. Стертая разметка и ямы на проезжей части, некачественное образование, представители закона, позволяющие создавать финансовые пирамиды, создатели фильмов, героизирующих бандитов или преступающих закон милиционеров, ограничение доступа к информации и очевидно ошибочные решения руководителей наносят мне ущерб (или повышают его вероятность в будущем, что в принципе одно и то же).

Повышение вероятности ущерба уже есть ущерб как таковой. Мы фактически вслед за Э. Гидденсом утверждаем, что концепция безопасности должна основываться на понимании того, что мы способны и должны осуществлять контроль за будущим. ««Открытость» еще не произошедших событий отражает податливость социального мира и способность людей формировать физическую среду своего существования» [4]. Освоение («колонизация», по Гидденсу) будущего начинается с его концептуализации. Те направления концептуальной и практической работы, которые приводит Гидденс, выглядят так: 1) создание зон безопасности для индивида, в которых снижены риски для его жизни; 2) оформление институционально ограниченной среды риска; 3) освоение общественным сознанием модели контроля риска; 4) изучение феноменов глобальных абстрактных систем для предсказания возможных критических точек. В течение последнего столетия цивилизация серьезно продвинулась в обеспечении безопасности жизни, но вместе с достижениями появляются новые риски. Собственно задача человечества и состоит в том, чтобы успевать выявлять их и предотвращать до момента, когда возможность нежелательного события вплотную приблизится к его действительности. Требуется «профилирование риска — анализ распределения риска в данной среде деятельности при текущем состоянии дел и знаний» [4].

Основная методологическая проблема в работе с конструктом психологической безопасности личности — это понимание диалектики соотношения объективной и субъективной безопасности, иными словами, различия и сходства между благодеянием олигофрена, информированным «мужеством быть» [12] и невротическим страхом утратить себя, выполняя нормативные правила и процедуры социального взаимодействия. Двойственность статусов безопасности создает напряженное проблемное поле, с одной стороны, чреватое роковыми методологическими ошибками, а с другой стороны, открывающее пространства для невероятно захватывающих манипуляций. Так, последняя кампания США против Ирака была полностью основана на эффективной ма-

нипуляции будущими угрозами: одобрение военного вмешательства собственным народом было достигнуто культивированием страхов перед иракским оружием массового поражения и выращиванием у граждан Америки угрозы их субъективному благополучию; вооруженные силы Ирака были сломлены искусным нагнетанием чувства безнадежности сопротивления в течение длительного периода ожидания вторжения.

Повторим еще раз основные утверждения нашего текста.

Безопасность есть объективный феномен, соотнесенный с будущим, по крайней мере, настолько объективный, насколько объективным мы считаем будущее. Как минимум, оно наступит, и часть последствий сегодняшней ситуации (в том числе и риски, создаваемые нашими собственными действиями) мы можем предсказать.

Психология безопасности (исследования субъективного фактора безопасности) может ставить ряд очень важных вопросов и в меру своих концептуальных средств, пытаться ответить на них: 1) почему вероятности определенных событий просчитываются людьми вообще и конкретными людьми плохо; 2) почему вероятности некоторых событий люди не хотят учитывать; 3) почему некоторые должностные лица не выполняют своих обязанностей по просчитыванию вероятностей и организации будущего; 4) как происходит борьба интересов в пространстве будущего и в каких манипуляциях обществом она реализуется; 5) каковы механизмы более адекватного прогнозирования и построения лучшего для всех совместного будущего?

Психологическая безопасность личности основывается на конструкте субъективного благополучия и имеет дело с факторами, угрожающими благополучию человека. При этом имеется в виду не только физическое, но и символическое субъективно сконструированное пространство личности («жизненный мир»), а также общее устройство мира, в котором живет человек. Переживание вероятных угроз выступает как актуальный ущерб субъективному благополучию личности. Применительно к психологической безопасности личности возможна следующая группа исследовательских вопросов: 1) как изменения субъективной вероятности событий влияют на объективную (точнее — на реализующуюся) их вероятность; 2) чем для исследователя является феномен субъективно переживаемой угрозы: психологическим состоянием, предполагающим терапию, или таким отображением объективной ситуации, которое требует от человека формирования адекватных индивидуальных стратегий действия либо коллективной политической активности по защите своих интересов; 3) каков оптимум субъективной безопасности личности и оптимум мобилизации личности в ответ на вызовы мира? Понятно, что это далеко не полная группа исследовательских вопросов, но нахождение приемлемых ответов на них могло бы нас существенно продвинуть в сравнении с той точкой, в которой мы сегодня находимся.

При проработке теоретических моделей психологии безопасности и психологической безопасности личности мы также должны будем установить концептуальные связи с конструктами ответственности и доверия. С одной стороны, если будущее можно и должно предвидеть, чтобы избежать ущерба в нем, то моя безопасность связана с ответственностью тех, кто этот ущерб должен был (нормативно) предвидеть, в том числе (а может быть, и прежде всего) меня самого. С другой стороны, я испытываю состояние субъективного благополучия тогда, когда доверяю миру и уверен в своей способности отвечать на его события [11].

Доверие же людей к миру и друг к другу — это результат постоянно идущей ответственной работы по созданию безопасного мира, продукт, который трудно создается, но легко разрушается.

Библиографический список

1. Аспекты безопасности. Правила включения в стандарты. ГОСТ Р51898–2002. М., 2003.
2. *Бурдые П.* Fieldwork philosophy/Начала. Choses dites/пер. с фр. Н.А. Шматко М.: Socio-Logos, 1994.
3. *Бурмистрова-Савинкова А.А.* Личность и среда: регуляция границ бытийного пространства. Краснодар: КубГУ, 2006.
4. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5.
5. *Дёмин А.Н.* Психологическое измерение ненадежности работы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 1.
6. *Дёмин А.Н.* О границе преобразовательной активности субъекта // Субъектный подход в психологии/под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2009.
7. *Дёмин А.Н.* Справочник по психологии труда и психологии занятости. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010.
8. *Кимберг А.Н.* Проблема идентичности и субъектный подход // Психология личности и её бытия: теория, исследования, практика/под ред. З.И. Рябикиной, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
9. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
10. *Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта бытия. М.: Питер, 2008.
11. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: Академия, 2000.
12. *Тиллих П.* Избранное. М.: Юрист, 1995.
13. *Шамионов Р.М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.
14. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.
15. *Auden W.H.* The Shield of Achilles. URL: <http://www.poets.org/viewmedia.php/prmMID/15547>

16. *Becker G. S.* Nobel lecture: The economic way of looking at behavior // *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101 (3).
17. *Bourdieu P., Passeron J.-C.* *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage, 1977.
18. *Coleman J.S.* Equality and excellence in education // *Surveying Social Life: Papers in Honor of Herbert H. Hyman*/ed. H.J. O'Gorman, Middletown, Conn: Wesleyan University Press, 1988.
19. *Coleman J. S.* *Foundations of social theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
20. *Coleman J.S.* Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1998. Supplement.
21. *Côté J.E.* Sociological perspectives on identity formation: The culture-identity link and identity capital // *Journal of Adolescence*. 1996. Vol. 19.
22. *Côté J.E.* An empirical test of the identity capital model // *Journal of Adolescence*. 1997. Vol. 20.
23. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68.
24. *Diener E.* Assessing subjective well-being: Progress and opportunities // *Social Indicators Research*. 1994. Vol. 31.
25. *Niemoeller M.* Als die Nazis die Kommunisten holten.... URL: <http://www.martin-niemoeller-stiftung.de/4/daszitat/a31>
26. *Portes A.* The Two Meanings of Social Capital // *Sociological Forum*. 2000. Vol. 15, No.1.